Политика ФРГ в НАТО на современном этапе: Проблемы и перспективы

Аннотация. Статья представляет собой попытку выявить ключевые векторы политики ФРГ в рамках НАТО в середине – второй половине 2010-х годов. Основным методом исследования является ивент-анализ, а методологической базой выступает процесс строительства вооруженных сил (применительно к бундесверу). Отмечается последовательное стремление Германии к увеличению (в первую очередь, в политическом отношении) своей роли в НАТО с начала 1990-х годов, когда основные усилия блока были переориентированы на решение задач за пределами традиционной зоны ответственности Альянса. Возвращение НАТО к «сдерживанию» РФ как к своей основной задаче, а также возникновение «фактора Трампа» рассматриваются как ключевые потенциальные препятствия на пути дальнейшего укрепления позиций ФРГ в НАТО.

В статье исследуется динамика действий администрации Д. Трампа по обеспечению скорейшего выхода ФРГ на отметку в 2% от ВВП по уровню оборонных расходов. Указывается, что прямым следствием стремления Д. Трампа к монетаризации отношений внутри Альянса становится частичная утрата духа

¹Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (1 trunov@mail.ru).

трансатлантической солидарности. Анализируется ответная реакция властей ФРГ, их готовность увеличивать показатели военной мощи страны, но при условии постепенности данного процесса. Отмечается, что спор о выполнении Германией своих военно-финансовых обязательств является частью более общей дискуссии о перераспределении влияния в Североатлантическом альянсе в пользу ФРГ, что де-факто администрацией США воспринимается как вызов.

В статье показывается постепенное продвижение Германии к обретению роли «рамочного государства» в деле комплектования группировок НАТО в Европе, в особенности сил быстрого реагирования. В этой связи рассматривается перспективный облик бундесвера 2031 г., который должен быть сформирован на основе восстановительного роста всех количественных параметров вооруженных сил, а также их реорганизации с целью более активного использования бундесвера в составе многонациональных группировок блока и ЕС. Отмечается, что тем самым Германия укрепляет не только свои политические, но и собственно военные позиции в Альянсе.

В заключение делается вывод о том, что принятые решения по наращиванию объемов участия ФРГ в деятельности НАТО обусловлены отнюдь не давлением США, а общей магистральной тенденцией курса Германии на укрепление своих позиций в Евро-Атлантическом сообществе и мире в целом.

Ключевые слова: Германия, НАТО, США, силы быстрого реагирования, бундесвер.

С момента создания бундесвера (1955) Североатлантическому альянсу отводилась исключительная роль как в военном, так и во внешнеполитическом планировании ФРГ. В реалиях постбиполярного миропорядка Германия, стремясь выйти в своей военно-политической деятельности за пределы традиционной зоны ответственности НАТО, и стала активно использовать бундесвер не только в рамках блока, но также под эгидой ООН, ОБСЕ и ЕС. С начала 1990-х годов германский истеблишмент со все большей очевидностью рассматривает Альянс как механизм, ответственный в первую очередь за обеспечение безопасности на европейском континенте. В этой связи показательно масштабное использование бундесвера в деятельности НАТО на постъюгославском простран-

стве (в т.ч. боевое применение люфтваффе – в 1995 и 1999 гг.). ФРГ использовала механизм блока и за пределами Европы, но лишь в определенных случаях, связанных с реализацией права на самооборону, – например, при развертывании МССБ в Афганистане. В целом же официальный Берлин выступал против глобализации деятельности Альянса, что приводило к возникновению трений с США.

С 1990-х годов ФРГ неизменно проводила курс на укрепление своего влияния в НАТО (до середины 2010-х годов – в первую очередь, политического), хотя способы достижения этой цели весьма различались – достаточно сравнить, например, тактику Г. Шрёдера с тактикой «ранней» и «зрелой» А. Меркель. Однако в середине 2010-х годов для дальнейшего роста влияния ФРГ в НАТО возникли два существенных препятствия. Первое – вновь появившаяся необходимость обеспечивать территориальную оборону (в условиях нового осознания Западом «российской угрозы»), что привело к увеличению военной составляющей в деятельности НАТО и одновременно к уменьшению объемов деятельности за пределами зоны ответственности. Второе препятствие – «фактор Трампа», сделавшего ФРГ главным объектом своей критики в рамках блока. В этой связи *задача* настоящей статьи – описать ключевые направления политики Германии в рамках НАТО в середине – второй половине 2010-х годов.

Выбор тематики исследования обусловлен и тем, что в изучении политики ФРГ в рамках НАТО в 1990-е – начале 2010-х годов как отечественными [Михайлин, 2009; Павлов, 2005], так и западными специалистами, в первую очередь германскими [Von Bredow, 2017; Varwick, 2007] и английскими [Hyde-Price, 2000], создан большой задел. Однако политика ФРГ в НАТО в конце 2010-х годов, в том числе с учетом «фактора Трампа», еще не столь подробно изучена и осмыслена. Основным *методом* исследования является ивент-анализ, т.е. изучение направленности, содержания и значения конкретных шагов, сделанных ФРГ при проведении ее политики в НАТО, а также решений ее партнеров по Альянсу, которые были наиболее чувствительны для Германии. Методологи-

ческой основой статьи является процесс строительства вооруженных сил (см.: [Останков, 2004]).

Общие контуры членства в НАТО: проблема выполнения ФРГ растущих обязательств перед государствами-партнерами

В середине – второй половине 2010-х годов ключевой проблемой для Германии в рамках Североатлантического альянса стал рост противоречий с США в военно-политической области. Практически сразу после инаугурации (январь 2017 г.) Д. Трамп перешел к «сугубо наступательной» дипломатической тактике в отношении ФРГ, сфокусировав свое внимание на двух обращенных к Германии требованиях: во-первых, увеличить объем выполнения ее обязательств перед партнерами по НАТО и, во-вторых, двигаться в этом направлении с максимально возможной скоростью. Разгоревшийся спор стал лишь одной (хотя и весьма значимой) составляющей более общей дискуссии о перераспределении влияния внутри Альянса между США и ФРГ.

После окончания «классической» холодной войны доколе безусловное лидерство Соединенных Штатов в Евро-Атлантическом сообществе постепенно стало менее прочным. В свою очередь, ФРГ усиливала свои позиции, в том числе в НАТО. Одна из причин увеличения роли Германии – более взвешенный, укладывавшийся в логику концепции «стратегической сдержанности» подход к использованию военного инструментария стран – участниц Альянса как по периметру его внешних границ, так и за пределами зоны его ответственности. Примерами такого подхода стали отказ от прямого использования бундесвера в силовых операциях с участием стран – участниц НАТО в Ираке (2003), Ливии (2011) и в планировавшейся операции в Сирии (2013); преимущественно небоевое использование германских войск в Афганистане (с 2001 г.), а также минимизация участия германских войск в тренировочной деятельности Альянса в Восточной Европе в 2014 г., когда риск масштабной военно-политической конфронтации Запада и России с непредсказуемыми для обеих сторон последствиями был наиболее высок (см.: [Трунов, 2016]).

С точки зрения автора, педалируя «проблемные узлы» в деле выполнения Германией своих обязательств перед партнерами по НАТО, Д. Трамп тем самым стремился предотвратить (или как минимум замедлить) неуклонный рост влияния Германии в рамках Альянса. Кроме того, в позиции Белого дома уместно выделить еще три значимые детерминанты. Первая – реально существующая диспропорция между США и другими членами НАТО в объемах военных ассигнований (табл. 1), доле расходов на военные цели (табл. 2), численности вооруженных сил (табл. 3) и в объемах использования вооруженных сил за пределами зоны ответственности Альянса. Однако, акцентируя на этом свое внимание [Joint press., 2017], Д. Трамп упускает из виду, что подобная разница является неотъемлемой производной обеспечения лидерства США в Евро-Атлантическом сообществе. Соответственно, призывая государства-партнеры выделять больше ресурсов на военные нужды, Белый дом объективно способствует уменьшению зависимости этих стран от США.

Таблица 1

**Расходы на военные нужды крупнейших государств – членов НАТО
(млн долл. по текущему курсу)**

Страна	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Великобритания	62 258	65 568	59 492	56 964	55 344	61 508
Германия	45 931	46 102	39 813	41 590	45 580	51 009
Испания	12 607	12 614	11 090	9 971	11 864	13 863
Италия	26 658	24 448	19 566	22 373	23 852	25 780
Канада	18 221	18 150	18 685	17 711	22 467	21 601
США	680 856	653 942	641 523	656 059	685 957	706 063
Турция	14 427	13 583	11 957	12 649	12 972	15 219
Франция	52 316	51 940	43 474	44 191	46 036	52 025

Источник: [Defence expenditures., 2018, p. 4].

Таблица 2

Доля расходов на военные цели крупнейших государств – членов НАТО (% от ВВП)

Страна	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Великобритания	2,40	2,17	2,27	2,17	2,06	2,15	2,11	2,10
Германия	1,28	1,31	1,22	1,18	1,18	1,20	1,24	1,24
Испания	0,94	1,04	0,93	0,92	0,93	0,81	0,90	0,93
Италия	1,30	1,24	1,20	1,08	1,01	1,12	1,15	1,15
Канада	1,23	1,10	0,99	1,01	1,20	1,15	1,36	1,23
США	4,78	4,42	4,08	3,77	3,56	3,56	3,57	3,50
Турция	1,64	1,59	1,52	1,45	1,39	1,46	1,52	1,68
Франция	1,86	1,87	1,86	1,82	1,78	1,79	1,78	1,81

Источник: [Defence expenditures..., 2018, p. 5-7].

Как следует из табл. 1 и 2, в середине 2010-х годов ФРГ тратила на военные нужды значительно меньше, чем ее партнеры по «евротройке» (Франция и Великобритания), как в абсолютном, так и в относительном выражении. Более того, по относительной доле военных расходов Германия оставалась на уровне Испании и Италии, с большим трудом преодолевавших глубокие финансово-экономические трудности и пользовавшихся внешней помощью (в первую очередь, помощью самой ФРГ). Схожая картина наблюдалась и с изменением численности бундесвера – темпы сокращения вооруженных сил ФРГ в начале 2010-х годов были существенно выше, чем у других крупнейших стран – участниц НАТО (за исключением Турции и Великобритании) (табл. 3). Все эти факторы существенно ослабляли переговорные позиции официального Берлина в рамках Альянса.

Вторая детерминанта, определяющая действия администрации Д. Трампа в отношении партнеров по НАТО, – стремление сосредоточить максимум военных ресурсов (в т.ч. наземных войск) по «периметру сдерживания» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это вынуждает США изыскивать резервы на всех направлениях, включая центральноевропейское.

Таблица 3

**Динамика численности вооруженных сил ряда
государств – членов НАТО (тыс. военнослужащих)**

Страна	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Велико-британия	191	184	179	169	141	139	137	145
Германия	205	192	184	179	177	178	180	183
Греция	117	110	110	107	104	196	106	105
Испания	127	125	122	122	122	121	118	121
Италия	192	189	189	183	178	176	175	180
Польша	97	98	100	99	99	102	105	118
США	1 425	1 400	1 382	1 338	1 314	1 301	1 308	1 314
Турция	495	495	427	427	385	359	416	386
Франция	227	219	213	207	205	208	208	208

Источник: [Defence expenditures., 2018, p. 5–7].

Наконец, следует отметить негативное отношение Д. Трампа к многосторонним форматам в принципе, что отчетливо показал выход Соединенных Штатов из переговоров по Транстихоокеанскому и Трансатлантическому партнерствам. Изначально 45-й президент США демонстрировал также весьма негативное отношение к НАТО, однако премьер-министру Великобритании Т. Мэй и канцлеру А. Меркель уже в ходе первых двусторонних переговоров в Белом доме удалось ослабить его скептический настрой.

Первая встреча А. Меркель и Д. Трампа прошла в Вашингтоне 17 марта 2018 г. – через полтора месяца после встречи президента США с Т. Мэй и через два месяца после его вступления в должность. Согласившись с А. Меркель по вопросу практической значимости НАТО, Д. Трамп сразу стал использовать Альянс как площадку для давления на ФРГ, призывая Германию к скорейшему – по сути, практически немедленному – увеличению военных расходов до уровня в 2% от ВВП [Joint press., 2017].

В целом Белый дом начал выказывать очевидное стремление к монетаризации отношений в НАТО, что во многом подрывало сам дух трансатлантической солидарности. Помимо прямого дав-

ления на ФРГ – в виде постоянного педалирования (на саммитах НАТО и G7) вопросов, касающихся недостаточно высоких объемов военных ассигнований Германии, и даже в виде выставления счета за помощь, которую США ранее оказали Германии в деле обеспечения ее обороны (в размере 370 млрд долл.) [«Nato-Dienste»., 2017], – администрация Д. Трампа дополнительно пыталась своими действиями оказывать влияние на ФРГ. Так, Белый дом пересмотрел свой подход (ранее согласованный с европейскими партнерами по НАТО) к рассмотрению ситуаций по многим «проблемным узлам» на Ближнем и Среднем Востоке. Примерами этого стали, в частности, признание Иерусалима столицей Израиля (декабрь 2017 г.) и выход из «ядерной сделки» с Ираном (май 2018 г.). Эти шаги, однако, не привели к аналогичному изменению позиции ФРГ.

В ответ германская сторона перешла к «активной обороне», избрав сбалансированный вариант реакции на требования США. С одной стороны, ФРГ начала увеличивать основные показатели процесса строительства вооруженных сил. Так, военные ассигнования ФРГ в 2017–2018 гг. ежегодно увеличивались на 4–6 млрд долл. (см. табл. 1), а на закупку новых вооружений и военной техники в период 2017–2030 гг. планируется выделить не менее 130 млрд евро (с возможностью существенной коррекции этих цифр в большую сторону) [Major, Voss von, 2016, p. 7]. Одновременно – впервые со времени окончания «классической» холодной войны – с 2017 г. начался рост численности бундесвера (см. табл. 3). Согласно озвученным планам, к 2024 г. его численность должна увеличиться до 198 тыс. военных (т.е. на 20 тыс. человек по отношению к уровню 2016 г.) [Tausende., 2017]. Здесь важно подчеркнуть, что весь комплекс решений об увеличении базовых военных показателей был принят в Берлине весной – осенью 2016 г., т.е. еще до возникновения «фактора Трампа» в трансатлантических отношениях в целом и развитии НАТО в частности. С другой стороны, скорость темпов прироста военного строительства была относительно небольшой – существенно меньше той, на которой настаивал Белый дом. Приняв это во внимание, германские аналитики поставили под сомнение реалистичность выхода ФРГ на целевой

уровень военных расходов в 2% от ВВП к 2024 г. [Kamp, 2016, S. 4]. При этом в ходе переговоров с Д. Трампом 17 марта 2017 г. А. Меркель подтвердила приверженность данной цели, хотя и признала, что к 2017 г. ежегодный абсолютный прирост военных расходов Германии составлял лишь 8% [Joint press., 2017].

Стоит отметить также оперативную и жесткую реакцию ФРГ на особенно вызывающие требования США. Так, министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен отвергла даже саму возможность изучения вопроса о «счете» в 370 млрд долл. [«Nato-Dienste»., 2017].

Кульминацией в деле сдерживания «сугубо наступательной» дипломатии Д. Трампа по вопросам развития НАТО стал, по мнению автора, Брюссельский саммит Альянса (11–12 июля 2018 г.), в ходе которого германская делегация во главе с А. Меркель, заранее согласовав позиции с рядом государств – членов НАТО (в частности, Францией, Нидерландами, Литвой), выступила против очередной инициативы 45-го президента США по повышению «планки» расходов на военные цели с 2 до 4% от ВВП. В итоге весь комплекс военно-финансовых обязательств в рамках Альянса остался без изменений [Brussels Summit., 2018].

К этому времени потенциал Белого дома по активизации имевшихся или введению в дело новых инструментов давления на ФРГ был практически исчерпан. Осознавая это, Д. Трамп решил сделать упреждающий ход, который, с его точки зрения, должен был показать, что в настоящее время заинтересованность США в обеспечении безопасности ФРГ значительно снизилась: накануне Брюссельского саммита он заявил о возможном выводе из Германии части воинского контингента США (32 тыс. военнослужащих). Примечательно, что это заявление Д. Трамп сделал без согласования со своими советниками [US assessing., 2018] (в свое время так же поступил и М.С. Горбачев в ходе переговоров с Г. Колем 15 июля 1990 г., объявив о сроках вывода с территории Германии Западной группы войск (ЗГВ)). Решение Д. Трампа вызвало реакцию, совершенно противоположную ожидаемой: официальные власти ФРГ не высказали никаких опасений по поводу предполагаемого вывода с территории страны части войск США, а опросы общественного мнения в ФРГ продемонстрировали, что реализация дан-

ного шага имеет большую общественную поддержку [Stone, 2018]. Таким образом, ФРГ отчетливо понимает, что сокращение военного присутствия США на ее территории полностью отвечает ее национальным интересам, позволяя вплотную приблизиться к основной цели – обретению реального и полного суверенитета. При этом позиции ФРГ в НАТО не только не ослабевают, но, напротив, получают еще больший потенциал для дальнейшего укрепления (см.: [Schröder, 2005]).

Германия как «рамочное государство» в деле комплектования группировок НАТО

На Брюссельском саммите НАТО (2018) также было принято решение о создании новых резервов, выделяемых из состава национальных вооруженных сил стран-участниц в постоянное оперативное подчинение командных структур Альянса, в количестве 30 батальонных тактических групп (БТГ) (со штабами), 30 боевых кораблей и 30 вертолетных эскадрилий [Brussels Summit., 2018]. Эти части должны составлять «костяк» вновь развёртываемых группировок блока – в первую очередь, многонациональных бригад. Данные резервы должны дополнить собой силы передового развертывания (СПР) (Forward Presence Force, FPF) и силы быстрого реагирования (СБР) (NATO Response Force, NRF) Североатлантического альянса. Задачей СПР является поддержка национальных вооруженных сил стран региона в деле обеспечения территориальной обороны – в первую очередь, в Восточной Европе. СБР выполняют функцию второго эшелона, способного оперативно развернуться на любом направлении, в том числе с целью перехода в контрнаступление.

Как СПР, так и СБР комплектуются на рамочной основе. В случае СПР для каждого европейского государства – члена НАТО устанавливается численность воинского контингента, а также его задачи с учетом подчиненности командной структуре (обычно БТГ) и местоположения (в одной из стран Восточной Европы). Обновление личного состава СПР предусмотрено раз в 9–12 месяцев. В рамках процесса развертывания СПР ФРГ отвечает за комплек-

тование рамочной основы БТГ СПР в Литве, куда в 2017 г. были направлены 450 германских военнослужащих [Stöber, 2017].

СБР создаются путем передачи в подчинение командных структур НАТО сроком от 6 до 18 (обычно 12) месяцев штабов соединений, частей и подразделений из состава национальных вооруженных сил. С 2015 г. «острием копья» войск СБР являются силы повышенной боевой готовности (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF) [Defence ministers., 2015]. В рамках установленного в 2014 г. семилетнего цикла большая часть СБР – в первую очередь наземная компонента, а также силы специальных операций и соединения VJTF – представлена воинскими контингентами одного большого или среднего и одного-двух малых государств – членов НАТО. ФРГ (совместно с Нидерландами и Норвегией) взяла на себя ответственность за комплектование СБР с сентября 2014 г. по сентябрь 2015 г. Именно в это время общая численность СБР была увеличена с 15 тыс. до 40 тыс. военнослужащих, в том числе – 5 тыс. солдат и офицеров в составе впервые созданного соединения VJTF [Defence ministers., 2015].

В следующий раз Германия взяла ответственность за комплектование СБР не с 2021 г., как это изначально планировалось, а с 1 января 2019 г. Так, на ближайшие 12 месяцев соединением VJTF стала 9-я бронетанковая бригада 1-й бронетанковой дивизии бундесвера (из состава 1-го германо-нидерландского корпуса). В ее оперативное подчинение были переданы также мотопехотные части и армейская авиация из состава вооруженных сил Нидерландов и Норвегии. Как и в 2014–2015 гг., не только соединение VJTF, но и практически вся группировка наземных войск СБР НАТО в 2019 г. представлена войсками 1-го германо-нидерландского корпуса (три бригады бундесвера и одна бригада королевских войск) [Germany steps up., 2019].

Чем объясняется решение ФРГ с опережением графика принять ответственность за комплектование СБР НАТО? Прежде всего – тем, что Германия претендует на роль одного из ключевых европейских «рамочных государств» в деле развертывания постоянных и временных группировок войск НАТО на континенте [Glatz, Zapfe, 2017, S. 3–7]. Это стремление находит свое отражение

не только на практическом, но и на доктринальном уровне: согласно «Новому профилю возможностей бундесвера» – документу долгосрочного планирования (до 2031 г.), утвержденному генерал-инспектором бундесвера 3 сентября 2018 г., – лейтмотивом процесса строительства вооруженных сил ФРГ является поступательное развитие (т.е. рост всех количественных параметров бундесвера) и стремление к увеличению веса Германии в НАТО (и в ЕС), военном отношении [Neues Fähigkeitsprofil., 2018].

Так, к 2023 г. в бундесвере должно быть создано соединение (эквивалент бригады), предназначенное для выполнения функций VJTF в любое время, с обязательным включением в его состав полноценных военно-морской и военно-воздушной компонент [Ibid.]. Следует отметить, что в 2019 г. соединения VJTF комплектовались техникой и личным составом государств – партнеров ФРГ по НАТО [Germany steps up., 2019]. Таким образом, вышеуказанное решение Германии иллюстрирует ее подход к наращиванию возможностей бундесвера в деле комплектования СБР (даже при увеличении их численности до 60 тыс. военнослужащих и более), СПР и тактических резервов в постоянном подчинении Альянса. Согласно «Новому профилю возможностей бундесвера», к 2031 г. германские войска должны обладать всеми необходимыми возможностями по созданию «рамочной основы» (т.е. по укомплектованию своим личным составом и техникой более 40% штатной численности соединений и органов управления) 15 многонациональных бригад (!) [Thiels, 2018]. Эти соединения будут находиться в оперативном подчинении НАТО, а около четверти из них – в оперативном подчинении ЕС. Как показывает практика (в частности, комплектование СПР и СБР), многонациональные соединения Альянса де-факто практически полностью состоят из контингентов войск европейских стран-участниц. По мнению автора, это означает, что Германия имеет целью обрести роль «рамочного государства» в деле создания *общеевропейских* вооруженных сил как под эгидой НАТО, так и под эгидой ЕС.

Достижение данной цели требует реорганизации и одновременно существенного увеличения потенциала бундесвера. И хотя список планируемых преобразований (особенно на период

2027–2031 гг.) не был озвучен полностью, магистральные тенденции процесса военного строительства ФРГ просматриваются достаточно определенно. Наибольший рост численности планируется для сухопутных войск: к 2031 г. число дивизий должно удвоиться (с трех до шести); соответственно, к семи действующим в 2019 г. бригадам добавятся как минимум восемь (и рассматривается возможность создания еще двух) [Thiels, 2018]. При сохранении современной численности бригады в 5 тыс. военнослужащих, это приведет к увеличению численности сухопутных войск с 60 тыс. военнослужащих (2018) до 95–110 тыс. к 2031 г. Темпы развития сухопутных войск будут опережать общие темпы развития бундесвера. Планируется, что к 2024 г. бундесвер будет насчитывать 198 тыс. военнослужащих, а к 2026 г. – 203 тыс. [Truppen-Aufstockung..., 2018].

Чем обусловлено несовпадение темпов роста? В ходе более чем 25-летнего (с 1990 г.) периода сокращений в бундесвере главным объектом сокращений были именно сухопутные войска – сроки подготовки и затраты на подготовку одного бойца в сухопутных войсках были меньше, чем в авиации или на флоте. Соответственно, в условиях восстановительного роста именно сухопутные войска становятся главным бенефициаром. Увеличение их численности будет обеспечиваться не только за счет первоочередной отправки туда новобранцев, но и за счет перераспределения личного состава между всеми родами войск.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что, как следует из «Нового профиля возможностей бундесвера», и уже существующие, и вновь создаваемые соединения должны стать *межвидовыми* по составу [Neues Fähigkeitsprofil., 2018], т.е. численность личного состава того рода войск, к которому эти соединения прежде формально принадлежали, должна уменьшиться в пользу военнослужащих других родов войск. Так, танковые и мотопехотные бригады получают полноценные военно-воздушную и военно-морскую компоненты поддержки. Это существенно увеличит возможности каждой отдельной бригады (дивизии) по решению широкого круга задач тактического и даже стратегического характера. На достижение этой цели направлено и ускоренное насыщение бундес-

вера автоматизированной техникой – в первую очередь, разведывательной, но также и вспомогательной, использование которой позволит, сократив штаты тыловых структур, пополнить боевые части. На этом фоне возрастет значение киберкомандования бундесвера, ответственного за обеспечение устойчивой работы систем управления, связи и наблюдения на любом географическом ТВД и в любых условиях [Neues Fähigkeitsprofil., 2018].

На базе имеющихся шести эскадр военно-воздушных сил (люфтваффе) планируется создание четырех укрупненных соединений. Особое внимание уделяется сохранению парка истребителей-бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие партнеров по НАТО. Показательно и то, что Германия планирует полноценно участвовать в программе развития ракетных вооружений Альянса [Thiels, 2018].

Военно-морские силы (марине) также будут преобразованы. В частности, будут существенно увеличены возможности обеих флотилий: 1-й (предназначена для решения задач по обороне в акваториях, омывающих Европу) и 2-й (обеспечивает присутствие ФРГ в Мировом океане). Число современных фрегатов в составе 2-й флотилии будет увеличено с 7 до 11, а общее количество боевых надводных кораблей достигнет 15 [Ibid.]. С высокой долей вероятности в составе ВМС ФРГ может быть создано отдельное соединение дизельных подводных лодок. По мнению автора, из всех родов войск ФРГ именно военно-морские силы в наибольшей степени (сухопутные войска – в наименьшей) близки к перспективным целям-2031.

Означают ли представленные планы, что Германия поддавалась давлению администрации Д. Трампа, как может показаться на первый взгляд? Ответ отрицателен. Усилия Германии направлены на повышение собственной роли и места в ЕС и НАТО. К середине 2010-х годов, действуя методом проб и ошибок, ФРГ успешно создала «платформу» перспективных вооруженных сил, способных действовать как в пределах зоны ответственности Альянса, так и за ее границами. «Побочной», но практически необходимой составляющей этого процесса являлось значительное уменьшение численности бундесвера. После завершения создания базовой «плат-

формы» и в условиях существенного расширения спектра угроз безопасности для Германии ее вооруженные силы вступили в стадию долгосрочного восстановительного роста. Но ФРГ действует независимо, а не под давлением партнера, и самостоятельно определяет как итоговые и промежуточные параметры, так и направленность и скорость данного процесса. Показательно, что в сентябре 2018 г. руководство Германии устами У. фон дер Ляйен отказалось от повышения военных расходов к 2024 г. до отметки в 2% от ВВП. В 2019 г. этот показатель составит лишь 1,3%, а в середине следующего десятилетия – 1,5% [Neues Fähigkeitsprofil., 2018], т.е. 58–60 млрд евро в год.

К середине 2010-х годов роль НАТО во внешнеполитическом планировании ФРГ существенно снизилась по сравнению с периодом «классической» холодной войны. На современном этапе вероятность того, что эта роль вновь станет возрастать, находится в прямой зависимости от скорости и результатов попыток самой Германии усилить свое влияние в Альянсе – как в политическом, так и в собственно военном отношении.

Избранная схема военного строительства позволит ФРГ не только играть одну из ключевых ролей в обеспечении безопасности в Европе силами НАТО (в т.ч. в решении задач территориальной обороны, т.е. в «сдерживании» России), но и активизировать использование своего военного инструментария за пределами традиционной зоны ответственности блока (в т.ч. под эгидой ЕС и ООН). При этом в краткосрочной перспективе развертывание военного строительства ФРГ в рамках Альянса перекликается с требованиями Д. Трампа, перенесшего принципы ведения бизнеса в военно-политическую сферу. Однако в долгосрочной перспективе превращение Германии в «рамочное государство» при комплектовании группировок НАТО в Европе укрепит позиции официального Берлина как второго (после США) центра притяжения в Альянсе. При этом восстановительный рост бундесвера вкупе с его реорганизацией позволит ему не только успешно решать задачи по обеспечению территориальной обороны в Европе, но и дейст-

водить за пределами традиционной зоны ответственности Северо-атлантического блока.

Литература

Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001–2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М., 2009. – Вып. 101. – С. 22–27.

Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке / ЦВСИ; под ред. Ю.Н. Балуевского. – М., 2004. – С. 210–226.

Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. – М.: Наука, 2005. – 410 с.

Трунов Ф.О. Политика ФРГ в НАТО и украинские события // Современная Европа. – М., 2016. – № 5. – С. 33–43.

Bredow W. von. Die Geschichte der Bundeswehr. – Berlin: Palm Verlag, 2017. – 160 S.

Brussels Summit declaration / NATO. – Brussels, 2018. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 04.04.2019).

Defence expenditures of NATO countries (2011–2018): Communiqué / NATO. – Brussels, 2018. – 16 p.

Defence ministers agree to strengthen NATO's defences, establish Spreadhead Force / NATO. – Brussels, 2015. – 05.02. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_117188.htm?selectedLocale=en (Date of access – 04.04.2019).

Germany steps up to lead NATO high readiness force / NATO. – Brussels, 2019. – 01.01. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (Date of access – 04.04.2019).

Glatz R.L., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO / SWP. – Berlin, 2017. – 8 S. – Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf (Date of access – 04.04.2019).

Hyde-Price A. Germany and European order: Enlarging NATO and the EU. – Manchester: Manchester univ. press, 2000. – 270 p.

Joint press conference with President Trump and German Chancellor Merkel / The White House. – Wash., D.C., 2017. – 17.03. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (Date of access – 04.04.2019).

Kamp K.-H. Verpflichtungen in der NATO: Mehr Geld für die Bundeswehr. Arbeitspapier Sicherheitspolitik / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – Berlin, 2016. – 4 S.

Major C., Voss A. von. Nordic-Baltic security, Germany and NATO / SWP. – Berlin, 2016. – 8 p. – Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C13_mjr_vos.pdf (Date of access – 04.04.2019).

«Nato-Dienste»: Trump soll Merkel über 370 Mrd. Dollar in Rechnung gestellt haben // Sputnik. – Berlin, 2017. – 26.03. – Mode of access: <https://de.sputniknews.com/politik/20170326315046204-trump-merkel-rechnung-schunzgold/> (Date of access – 04.04.2019).

Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2018. – 04.09. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (Date of access – 04.04.2019).

Schröder G. Die strategischen Herausforderungen erfordern primär keine militärischen Antworten: Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik // AG Friedensforschung. – München, 2005. – 12.02. – Mode of access: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (Date of access – 04.04.2019).

Stöber S. Wenig Resonanz auf Propaganda // Tagesschau. – Hamburg, 2017. – 16.06. – Mode of access: <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html> (Date of access – 04.04.2019).

Stone J. Germans want Donald Trump to pull US troops out of Germany, poll finds // The Independent. – L., 2018. – 11.07. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/us-troops-germany-public-opinion-pull-out-nato-summit-merkel-a8442021.html> (Date of access – 04.04.2019).

Tausende zusätzliche Soldaten für die Bundeswehr // Spiegel Online. – Hamburg, 2017. – 21.02. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-soll-auf-knapp-200-000-soldaten-wachsen-a-1135646.html> (Date of access – 04.04.2019).

Thiels Ch. Zurück zur Kernaufgabe: Neue Struktur der Bundeswehr // Tagesschau. – Hamburg, 2018. – 03.09. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html> (Date of access – 04.04.2019).

Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten // SHZ. – Berlin, 2018. – 29.11. – Mode of access: <https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html> (Date of access – 04.04.2019).

US assessing cost of keeping troops in Germany as Trump battles with Europe / Hudson J., Sonne P., DeYoung K., Dawsey J. // Washington Post. – Wash., D.C., 2018. – 29.07. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-assessing-cost-of-keeping-troops-in-germany-as-trump-battles-with-europe/2018/06/29/94689094-ca9f-490c-b3be-b135970de3fc_story.html (Date of access – 04.04.2019).

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden, 2007. – S. 763–778.

DOI: 10.31249/ape/2019.04.07

Ph.O. Trunov¹, © 2019
Policy of FRG at NATO today:
Problems and prospects

Abstract. *The paper attempts to explore the main trends of German policy at NATO in the middle – the second half of the 2010 s. The key method of scientific research is event analysis, the methodological basis is the process of building of armed forces (on the Bundeswehr example). The author notes Germany's consistent aspiration to increase its role inside NATO (first of all on the political level) since the 1990 s, when the bloc's main efforts were reoriented towards solving problems outside the Alliance's traditional area of responsibility. The article considers the coming bid to the «deterrence» of Russia as the main NATO task and the emergence of the «Trump's factor» as the two key potential obstacles for the further strengthening of German positions in the Alliance.*

The article examines the dynamics of the Trump administration's activity aimed to ensure the speediest achievement of target level 2% of GDP in German defense spending. The paper shows that Trump's desire to commercialize relations within NATO is strongly connected with the partial loss of the spirit of transatlantic solidarity, and reveals that German response to this question is based on the readiness to increase the performance of military power, but on the condition of gradualness. The article emphasizes that the

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – Ph.D. in political sciences, senior researcher, Department of Europe and America, INION RAS, senior researcher, Institute of World History RAS (1 trunov@mail.ru).

dispute about the Germany's fulfillment of its military-financial obligations is only a part of a more obvious discussion about the redistribution of influence within NATO in favor of Germany, which is de facto perceived as a challenge by the US administration.

The paper demonstrates the gradual advancement of Germany towards gaining the role of a «framework nation» in the process of building up NATO forces in Europe (first of all NATO Response Force). In this regard the paper analyzes the perspective image of the Bundeswehr of 2031, which should be formed on the basis of the recovery growth of all the quantitative parameters of German armed forces and their reorganization in order to more active usage of the Bundeswehr as part of the multinational forces of NATO and the EU. The article emphasizes that thereby Germany strengthens not only its political, but also its military positions within NATO.

It is concluded that German growing participation in NATO's activities is not due to US pressure, but to the general trend of Germany's course to strengthen its positions within the Euro-Atlantic community and in the world as a whole.

Keywords: Germany, the USA, NATO Response Force, Bundeswehr.

References

Bredow W. von. (2017). Die Geschichte der Bundeswehr. – Berlin: Palm Verlag. – 160 S.

Brussels Summit declaration. (2018) / NATO. – Brussels. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 04.04.2019).

Defence expenditures of NATO countries (2011–2018): Communiqué. (2018) / NATO. – Brussels. – 16 p.

Defence ministers agree to strengthen NATO's defences, establish Spreadhead Force (2015) / NATO. – Brussels. – 05.02. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_117188.htm?selectedLocale=en (Date of access – 04.04.2019).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. (2019) / NATO. – Brussels. – 01.01. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (Date of access – 04.04.2019).

Glatz R.L., Zapfe M. (2017). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO / SWP. – Berlin. – 8 S. – Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf (Date of access – 04.04.2019).

Hyde-Price A. (2000). Germany and European order: Enlarging NATO and the EU. – Manchester: Manchester univ. press. – 270 p.

Joint press conference with President Trump and German Chancellor Merkel. (2017) / The White House. – Wash., D.C. – 17.03. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (Date of access – 04.04.2019).

Kamp K.-H. (2016). Verpflichtungen in der NATO: Mehr Geld für die Bundeswehr. Arbeitspapier Sicherheitspolitik / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – Berlin. – 4 S.

Major C., von Voss A. (2016). Nordic-Baltic security, Germany and NATO / SWP. – Berlin. – 8 p. – Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C13_mjr_vos.pdf (Date of access – 04.04.2019).

Mikhailin K.N. (2009). Germany and NATO in Afghanistan (2001–2008) [*FRG i NATO v Afganistane (2001–2008)*] // The Bulletin of Gerzen Russian Pedagogy Univ. – Moscow. – Vol. 101. – P. 22–27.

«Nato-Dienste»: Trump soll Merkel über 370 Mrd. Dollar in Rechnung gestellt haben. (2017) // Sputnik. – Berlin. – 26.03. – Mode of access: <https://de.sputniknews.com/politik/20170326315046204-trump-merkel-rechnung-schunzgeld/> (Date of access – 04.04.2019).

Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr. (2018) / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin. – 04.09. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (Date of access – 04.04.2019).

Ostankov V.I. (2004). Successful solution of the problems of building the Armed Forces is the most important condition for ensuring national security [*Uspeshnoe reshenie problem stroitel'stva Vooruzhennykh Sil – vazhneishee uslovie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti*] // Military security of Russian Federation in the XXI century [*Voennaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii v XXI veke*] / Center for military-strategic researches; Yu.N. Baluevsky (Ed.). – Moscow. – P. 210–226.

Pavlov N.V. (2005). German foreign policy in postbipolar world [*Vneshnyaya politika FRG v postbipolyarnom mire*]. – Moscow: Nauka. – 410 p.

Schröder G. (2005). Die strategischen Herausforderungen erfordern primär keine militärischen Antworten: Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik // AG Friedensforschung. – München. – 12.02. – Mode of access: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (Date of access – 04.04.2019).

Stöber S. (2017). Wenig Resonanz auf Propaganda // Tagesschau. – Hamburg. – 16.06. – Mode of access: <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html> (Date of access – 04.04.2019).

Stone J. Germans want Donald Trump to pull US troops out of Germany, poll finds. (2018) // The Independent. – London. – 11.07. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/us-troops-germany-public-opinion-pull-out-nato-summit-merkel-a8442021.html> (Date of access – 04.04.2019).

Tausende zusätzliche Soldaten für die Bundeswehr. (2017) // Spiegel Online. – Hamburg. – 21.02. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-soll-auf-knapp-200-000-soldaten-wachsen-a-1135646.html> (Date of access – 04.04.2019).

Thiels Ch. Zurück zur Kernaufgabe: Neue Struktur der Bundeswehr (2018) // Tagesschau. – Hamburg, 2018. – 03.09. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html> (Date of access – 04.04.2019).

Trunov Ph.O. (2016). German policy towards NATO and Ukrainian events [*Germanskaya politika v NATO i ukrainskie sobytiya*] // *Sovremennaya Evropa*. – Moscow. – N 5. – P. 33–43.

Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten. (2018) // SHZ. – Berlin. – 29.11. – Mode of access: <https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html> (Date of access – 04.04.2019).

U.S. assessing cost of keeping troops in Germany as Trump battles with Europe. (2018) / Hudson J., Sonne P., DeYoung K., Dawsey J. // Washington Post. – Washington, D.C. – 29.07. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-assessing-cost-of-keeping-troops-in-germany-as-trump-battles-with-europe/2018/06/29/94689094-ca9f-490c-b3be-b135970de3fc_story.html (Date of access – 04.04.2019).

Varwick J. (2007). Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden. – S. 763–778.